

Глава 3

За окном, в густой зелени деревьев, играли тёплые солнечные лучи, рассыпаясь по комнате пятнами света. На балконе, на бельевой верёвке, висел чистый чёрный галстук, слегка покачиваясь на ветру.

Лу Имань, в очках в серебряной оправе с защитой от излучения, отправил документ. На запястье, видневшемся из-под манжеты, остался едва заметный красноватый след, который тут же скрылся в рукаве, как только он опустил руку.

Пэн Додо, с принцессой Эльзой на аватарке, засыпал его сообщениями. Он присылал одну фотографию за другой, спрашивая, какую выбрать. Лу Имань взглянул на до боли знакомые Лексусы разных цветов и ракурсов и усмехнулся.

— Почему ты спрашиваешь меня?

— Ты же дизайнер! Помоги выбрать, какая больше подходит моему темпераменту! (котик моргает.jpg)

Улыбка на его лице стала шире. Он коснулся клавиатуры кончиками пальцев.

— Я дизайнер одежды, а не автомобилей.

Отправив это сообщение, он закрыл диалоговое окно и открыл другую программу.

Круглая голова, чёрные глазки-бусинки, а под строгим деловым костюмом на маленьком тельце — чёрный галстук. Это был незаконченный комикс в стиле чиби.

Изначально интерес Лу Иманя к этому роману возник из-за того, что книжный «Лу Имань» был слишком похож на него. Настолько, что казался его версией из параллельной вселенной.

Они оба были дизайнерами, специализировались исключительно на женской одежде, работали онлайн, имели собственный независимый бренд и не продавались компаниям. Хотя на жизнь им хватало, особой известностью они не пользовались.

Правда, было и небольшое различие: книжный «Лу Имань» увлекался рисованием эскизов, любил созерцать горы и воду и мог, взяв этюдник, надолго исчезнуть в глухом лесу. Неудивительно, что после падения со склона его никто не хватился целый месяц.

Он же, в свою очередь, любил рисовать комиксы. У него был отдельный аккаунт на популярной платформе, полностью посвящённый его маленьким историям, которые благодаря своему тёплому и милому стилю привлекли множество поклонников. Но он был свободным художником, не подписывал контрактов и рисовал просто для удовольствия. Иногда он вёл прямые трансляции, показывая только свои руки, но и этого было достаточно, чтобы свести фанатов с ума. Ему нравилось делиться с другими этими милыми историями.

С этой точки зрения, по характеру он не слишком походил на здешнего «Лу Иманя».

Оказавшись здесь, он аккуратно убрал все эскизы книжного «Лу Иманя», даже наполовину использованные карандаши не выбросил — всё сложил в ящик и запер. А сам завёл новый аккаунт для своих комиксов.

Маленький человечек с серьёзным лицом смотрел на него чёрными глазками-бусинками.

Только теперь аккуратно повязанного галстука не было, а плотно сжатые губы изогнулись в холодной усмешке.

Он с удовлетворением сделал последний штрих. В этот момент на столе завибрировал телефон.

На экране высветилось: «Госпожа Сун».

— Алло.

— Имань, приезжай сегодня на ужин, — в голосе женщины звучала едва уловимая робость и осторожность.

Словно боясь отказа, она поспешно добавила:

— Сегодня день рождения твоей сестры. Мы никого не звали, только семья. Вот и подумали, может, ты приедешь...

К концу фразы её голос становился всё тише и наконец совсем замер.

Он посмотрел на экран, где нарисованный человечек с презрением взирал на него своими глазками-бусинками, и тихо произнёс:

— Хорошо.

Женщина на том конце провода с облегчением выдохнула, и её голос тут же стал бодрее.

— Тогда я пришлю за тобой водителя. Вечером поужинаем, а потом все вместе разрежем торт...

Слушая её щебетание, он невольно погрузился в свои мысли.

Мало кто помнит себя до трёх лет, но он помнил, и помнил очень отчётливо.

Зимой того года, когда ему было три, его отец погиб в результате несчастного случая. Компенсацию не выплачивали, а его мать была красивой и хрупкой женщиной, не знавшей трудностей. Одни только похороны отца отняли у неё все силы.

Компания не хотела брать на себя ответственность. Каждый день они присылали людей, которые уговаривали её, действуя то кнутом, то пряником. Когда добрые слова заканчивались, они просто ставили людей дежурить у их двери.

Женщина, которую муж всегда лелеял и оберегал, не выдержала внезапно обрушившейся на неё тяжести жизни. Арендная плата, косые взгляды окружающих, угрозы компании и трёхлетний ребёнок, которого нужно было кормить и одевать, — всё это окончательно сломило её.

Она не могла решить эти внезапно возникшие проблемы и потому выбрала бегство.

Проплакав всю ночь, она собрала вещи Лу Иманя и в сумерках, когда валил густой снег, отвезла его в приют. А сама уехала из города.

Лу Имань знал, что его бросили. В три года дети ещё не умеют обманывать себя. Его охватила

паника, и все эти ужасные проблемы легли непосильным грузом на его детские плечи.

Ему потребовалось три года, чтобы привыкнуть к обветшалому зданию приюта, принять других детей и, подражая им, усвоить, что усыновление — единственный выход.

Такая возможность представилась ему в шесть лет.

Будучи сиротой, пусть и с живой матерью, он понимал, что мечтать о материнской любви — непозволительная роскошь. Три года в приюте научили его тому же, чему и всех остальных: главное — чтобы был дом.

Он был красивым и вежливым мальчиком с алыми губами и белоснежными зубами, поэтому неудивительно, что выбор пал именно на него. Под завистливыми взглядами других детей его забрали из приюта. Это вызвало в нём смешанные чувства: растерянность, напряжение, ожидание и страх.

Хотя он уже смирился с тем, что он сирота, мысль о том, что он станет ребёнком в чужой семье, казалась нереальной.

Когда его спросили, не против ли он сменить фамилию, он замер, а потом громко разрыдался, выплёскивая всю скопившуюся в его сердце боль и панику.

Он не сменил фамилию. Потому что в тот момент он снова почувствовал, что он не «настоящий» сирота.

Приёмные родители относились к нему неплохо. Не имея возможности завести своих детей, они действительно растили его как родного сына. После первоначального напряжения и скованности он постепенно начал расслабляться и привыкать к новой жизни.

Но жизненные испытания так просто не заканчиваются.

Год спустя его приёмная мать забеременела.

Холод снова окутал его мир. День за днём, ночь за ночью он превращался в пожелтевшие деревья за окном, в тусклое небо, в тихие перешёптывания, которые он, стараясь не подавать виду, делал вид, что не слышит. Ребёнок, помнивший себя с трёх лет, понимал уже очень многое.

Его вернули в приют. Под виноватыми взглядами приёмных родителей его забрали с пустыми руками и с пустыми руками вернули обратно. Как и в самом начале, у него не было ничего.

После этого он стал настоящим сиротой приюта. С возрастом шансов на усыновление становилось всё меньше.

Время шло, но он так и не смог избавиться от детских воспоминаний. Впрочем, это не стало для него помехой. Жизнь продолжалась и не собиралась останавливаться из-за его страданий.

Благодаря социальной помощи он усердно учился, благополучно рос и, благодаря отличным оценкам, в старших классах перевёлся в городскую школу. Он был достаточно умен, достаточно ярок, но и достаточно молчалив. Худощавый, высокий юноша, казалось, всегда нёс на своих плечах невидимую, но непосильную ношу.

В семнадцать лет он принял участие в областном конкурсе и поехал на награждение. На сцене

рядом с ним стояли такие же одарённые и яркие юноши, а в зале сидели их взволнованные и гордые родители.

Именно там он увидел свою мать.

Странно, но, несмотря на прошедшие годы, он узнал её с первого взгляда. Только приехала она сюда ради своего ребёнка, а не ради него.

В её расширившихся от изумления и потрясения зрачках, в её испуганном взгляде он увидел девочку из младшей группы — уверенную, бойкую, жизнерадостную.

Десять лет. На семь лет младше него. Она родилась как раз тогда, когда его вернули в приют.

Он снова посмотрел на свою мать — всё ещё привлекательную, ухоженную, сияющую. Очевидно, её жизнь сложилась хорошо. Да, его мать была женщиной, не способной переносить трудности.

В тот день, под ярким солнцем, среди громких и восторженных аплодисментов, он стоял на сцене и смотрел на неё издалека. Они были так далеки и в то же время так близки.

Он ещё не успел разобраться в своих чувствах, но её растерянное лицо уже сказало ему всё.

Позже она тайком дала ему десять тысяч наличными. Запинаясь, она что-то бормотала, не в силах подобрать слова, и растерянно отводила взгляд.

— Папа!

Звонкий, сладкий голосок прорвал пелену оцепенения. Солнце снова коснулось его кожи, но от этого стало только холоднее.

Дверь машины открылась, и элегантный, высокий мужчина подхватил девочку, порхавшую к нему, словно птичка.

Встретившись с паническим взглядом матери, он вздохнул и, не колеблясь, развернулся и ушёл.

Шаг за шагом. Сначала идти было трудно, но постепенно походка становилась всё увереннее. Холод отступил, и тепло солнечных лучей снова согрело кожу.

Он усмехнулся, сам не зная чему, но тяжесть, давившая на его плечи, в одно мгновение испарилась.

Глядя на пронсящие за окном огни большого города, он заметил, как водитель бросил на него быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

Этот молодой господин с другой фамилией, кажется, изменился. Раньше, когда его забирали, он всегда молча сидел на заднем сиденье, в полумраке, словно прячась ото всех. Водитель, в общем-то, понимал: быть неродным сыном, которого приняли в семью Чэнь, — положение неловкое.

Впрочем, господин Чэнь был хорошим человеком, и госпожа Чэнь тоже. С тех пор, как они в семнадцать лет приняли его, они всегда относились к нему как к старшему сыну. У них была

только одна дочь, так что часть семейного дела непременно должна была достаться ему. Поэтому водитель не совсем понимал: если он согласился вернуться, почему всегда был таким угрюмым и подавленным?

Прошёл уже месяц с их последней встречи, и о молодом господине не было никаких вестей. Но сегодня он вдруг показался ему другим. А если точнее, его глаза стали намного ярче.

— Сяо Ван, почему в этот раз не устроили банкет?

Водитель вздрогнул и, поспешно отведя взгляд, выпрямился и крепче сжал руль.

— Господин сказал, что барышня ещё слишком мала, и устраивать такие пышные праздники каждый год нехорошо. Семейный ужин — куда проще.

Лу Имань, глядя на луну, скрытую за высотками, тихо произнёс:

— Вот как.

В его глазах отражались и вода, и луна, и звёзды. Но не было ни единой эмоции.

<http://bllate.org/book/13686/1212553>